

ЭРА
ПАУИ

Избранные стихотворения

Серия "Licentia Poetica"

ЭРА
ИМД

Избранные стихотворения

Ассоциация «Новая литература»
МП «Итларь» (изд-во "Carte Blanche")
СПб. — Москва, 1992

ISBN 5-86661-003-5
Н34(03)

Паунд, Эзра Льюис (1885—1972), американец, проживший большую часть жизни в Европе и один из крупнейших поэтов XX века, оказавший огромное влияние на всю современную мировую поэзию, практически неизвестен русскому читателю. Причиной этому послужили одиозные политические взгляды Паунда и его сотрудничество в годы второй мировой войны с режимом Муссолини. Однако только у нас это стало поводом для замалчивания выдающегося поэта, чье имя заслуженно стоит в одном ряду с именами Валери, Джойса, Йетса, Рильке, Элиота и других кифеев мировой литературы нашего столетия.

Настоящее издание — первая попытка сколько-нибудь полно представить ранний период (1908—1926) творчества поэта.

- © М. Фрейдкин. Составление, перевод. 1992
- © С. Александровский. Перевод. 1992
- © И. Большев. Перевод. 1992
- © М. Гаспаров. Перевод. 1992
- © Д. Кудря. Перевод. 1992
- © И. Кутик. Перевод. 1992
- © А. Прокопьев. Перевод. 1992
- © О. Седакова. Перевод. 1992
- © Ю. Ярин. Оформление. 1992

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

К сожалению, в эту книгу вошли далеко не все имеющиеся в распоряжении составителя переводы Э. Паунда. Первоначально она планировалась как большое (почти полное) собрание стихотворений, поэм и эссеистики раннего (до 1926 года) творчества поэта. Может быть, даже двухтомник. Но в наше тяжелое для книгоиздательства время эта затея, увы, оказалась совершенно химерической. Ни один издатель не может сейчас позволить себе издавать большую книгу практически неизвестного русскому читателю поэта безо всякой надежды ее продать. В этой связи достаточно сказать, что когда упомянутый двухтомник был заявлен в книготорговом бюллетене «Союзкниги», то по всей территории бывшего Союза он (двухтомник) собрал заявок всего лишь на 600 (!) экземпляров. Так что приходится начинать с малого и благодарить небо, что возможно хотя бы это.

Теперь, пожалуй, следует сказать пару слов о том, почему составитель остановил свой выбор на раннем творчестве Паунда, оставив без внимания его более поздние произведения и даже знаменитые «Cantos». Основных причин здесь две. Во-первых, ранние стихи Паунда составителю просто больше нравятся, и здесь он отчасти согласен с мнением А. Зверева: «Наследие Паунда — десятки книг, однако как поэт он обеспечил себе место в истории литературы несколькими небольшими сборниками начальной поры творчества...» («Деревенский умник» // Иностранная литература, 2, 1991), хотя сама статья и, в частности, ее название производят не самое выгодное впечатление своим высокомерным и пренебрежительным отношением к одному из крупнейших поэтов столетия. Во-вторых, если говорить непосредственно о «Cantos»,

то составителю пока не встретился ни один переводчик, который бы выразил желание взяться за эту мало с чем сравнимую по трудности работу. А те крайне немногочисленные и разрозненные переводы "Cantos", которые все-таки попадали к нам в руки, никоим образом не могли нас удовлетворить. По нашему мнению, полноценный перевод "Cantos", не говоря уже о его публикации, — дело достаточно отдаленного будущего.

Необходимо также отметить и следующее: составитель вполне отдает себе отчет, что стихи Э. Паунда требуют несравненно более серьезного и осмысленного комментария, чем те фрагментарные и бессистемные примечания, которые читатель найдет на страницах этой книги. И здесь нам ничего не остается, как принести свои извинения и еще раз посетовать на заданную параметрами издания ограниченность объема. Для своих примечаний составитель использовал прекрасную книгу К. К. Ruthven "A Guide To Ezra Pound's "Personae" (1926)", University of California Press, 1969 и выражает признательность В. Берову, обратившему наше внимание на существование этого труда.

Если уж речь зашла о выражениях признательности, то нельзя обойти стороной и и. о. директора ВГБИЛ им. Рудомино Е. Ю. Гениеву, которая очень способствовала выходу настоящей книги в свет, предельно облегчив нам доступ к необходимой литературе.

Вот, кажется, и все.

М. Ф.

ДЕРЕВО

Так я стоял; я был стволом в лесу;
Я слушал все, чему у нас не верят:
Про Дафну и ее внезапный лавр,
Про двух богоприимных стариков,
Безбольно переросших в пару вязов.**
Но, впрочем, прежде нужно, чтобы бога
Приветили, чтобы его с порога
Препроводили к очагу души,
А там уж он и чудо совершит.
Вот так и был я деревом в лесу
И многое узнал, и достоверно,
О том, что прежде почитал за басни.

ЧИНО***

Италия. Кампанья. 1309. На большой дороге.

В трех городах я женщин пел!
Да только что с того?
Теперь я солнце петь хочу!

Спел, улыбнулся — они и попались.
Много ль им надо — губы, слова...
Все жертвы прежним кумирам:
Ворон, ночь, роковой обольститель...

* «A Lume Spento» (итал.) — «При потухшем свете» (прим. сост.).

** Филемон и Бавкида (прим. сост.).

*** Очевидно, имеется в виду Чино да Пистойя (ок. 1270 — ок. 1336), итальянский поэт, учившийся вместе с Данте в Болонье. (Зд. и далее, кроме особо оговоренных случаев, примечания переводчиков.)

Были — и нет их,
Лишь в песнях и живы.

Губы, взгляды — ночь прошла.
Снова в путь, и их со мною
Больше нет.
Когда-нибудь в своих башнях тесных
Они о наших вспомнят песнях,
И загрустят о нас, и скажут,
Вздыхая: «Ах, если б Чино —
Неистовый Чино со сверкающими глазами,
Веселый Чино, нежный Чино,
Чино, насмешник и смельчак,
Самый отчаянный из всех бродяг,
Что с лютней болтаются по дорогам —
Ах, если б он вновь появился у нас!»

А то еще подчас
Рассеянно обмолвятся: «Ах, да!

«Чино?» — «Чино Полнези.*
Вы это про певца?» —
«Захаживал сюда...
Забавный малый, но...
(Ах, знаете, эти проходимцы все на один лад!)
Чума его возьми!
Свой ль поет он песни?
А что у вас, мой Господин, он не был?»

«Мой Господин!» Помилосердствуй, небо!
Скажи я вслух секрет ваш хоть один, мой Господин,
И быть вам безземельным, как и Чино.
O Sinistro.

*Полнези (*Polnesi*) — вероятно, искаж. "*Bolognese*" — «из Болоньи».

В трех городах я женщин пел,
Но это все вчера.
Теперь мне солнце петь пора!
... что?... они там все больше сероглазые...
Но это все вчера, теперь мне солнце петь пора!

«Так бренчи же, Полло Фиби,*
На кастрюле жестяной!
Синий свод небес над нами —
Это Зевса щит стальной!

Пусть твой смех и ликование
Станут нашей *wanderlied*,**
А твоих лучей сиянье
Ливням литься не велит!

Нам к садам счастливым солнца
Новый путь искать пора...»

В трех городах я женщин пел,
Но это все вчера.

Воспою я белых птиц
В голубых волнах небес,
Облака, разбросанные в этом море.

ВИЙОНАДА *** НА СВЯТКИ

Когда приходит Рождество
(Христу дар нищего угодней)

* Полло Фиби (*Pollo Phoibee*) — Аполлон Феб.

** *Wanderlied* (нем.) — песня странника.

*** Вийонада (*villonaud*) — неологизм Э. Паунда. Стихотворение (баллада) в стиле Ф. Вийона.

И волки жрут в снегах стерво
Под пиво вьюги новогодней,
Печалям сердца моего
На святках дышится свободней.
Пусть пью средь сброда — что с того! —
За призрак счастья прошлогодний!

Спроси, зову ли я кого.
(Чей зов волхвов в дорогу поднял?)
Зову любовь, но все мертво
В пустой душе, и все бесплодней
Надежда кличет своего
Гонца из вьюжной преисподней.
Так выпьем за мое вдовство,
За призрак счастья прошлогодний!

Где сердца боль и торжество?
(Пути планет сошлись сегодня!) *
Где губ расставшихся родство?
(А чьи теперь моих безродней!)
Где глаз озерных волшебство?
(Что тех озер глубоководней?)
Кто в них глядит? — пьем за него!
За призрак счастья прошлогодний!

Что мог я сделать? — Ничего.
Мой жребий был в руке Господней.
Так выпьем, принц, за суд Его,
За призрак счастья прошлогодний!

* В оригинале: "*Saturn and Mars to Zeus drawn near!*" — «Сатурн и Марс приближаются к Юпитеру». Комментарий Э. Паунда: "*Signum Nativitatis*" (лат.) — знак Рождества.

DE AEGYPTO *

Я, истинно я, — тот, кто знает дороги
В небесах, и ветер, следственно, — мое тело.

Я воочью видел Владычицу Жизни,
Я, истинно я, — летящий в облаке ласточек.

Серы и зелены ее одеянья,
Влачась в широком ветре.

Я, истинно я, — тот, кто знает дороги
В небесах, и ветер, следственно, — мое тело.

*Manus animam pinxit.***
Перо мое в руке моей,

Дабы написать благоприятное слово...
Уста мои — дабы возвестить чистое пенье!

Кто имеет уста воспринять его,
Песнопение Кумского Лотоса?

Я, истинно я, — тот, кто знает дороги
В небесах, и ветер, следственно, — мое тело.

* *De Aegypto (лат.)* — о Египте. При первом издании стихотворение называлось "*Aegypton*".

** *Manus animam pinxit (лат.)* — «Рука нарисовала душу». Все стихотворение навеяно творчеством Д. Г. Россетти. Конструкция: «Я, истинно я...» ("*I even I...*") встречается в сонете «Выбор» (книга сонетов «Дом Жизни», LXXIII). Строка «Серы и зелены ее одеянья» ("*Green and grey is her raiment*"), так же, как и вышеприведенная латинская фраза — цитаты из рассказа Россетти «Рука и Душа». (*Прим. сост.*)

Я — пламя, восстающее в солнце,
Я, истинно я, — летящий в облаке ласточек.

Луна на челе моем,
И ветры под языком моим.

Луна — жемчужина в водах сапфира.
Прохладны в пальцах моих быстрые воды.

Я, истинно я, — тот, кто знает дороги
В небесах, и ветер, следственно, — мое тело.

НИКОТИН

Гимн Дурману

Гурия блаженных стран,
Царственная Никотин!
Ты одета, как в туман,
В стелющийся габардин.
Ты беззвучна, как дыханье,
О, Сильфида дымной мглы!
Снов и истин колыханье
Скрыто за твоей улыбкой,
Что рождает в дымке зыбкой
Тусклый ряд цветных картин,
Фея грезы, Никотин!

О, ночных огней кумир,
Царственная Никотин!
Переделать этот мир
Мы с тобою не хотим.
Ты двоишься тенью зыбкой,
Словно танец грезы гибкой,
Сон о лицах, сонм видений,
Мест нечистых добрый гений,

Память древних заклинаний,
Страж немой гнилых низин,
Царственная Никотин!

Под твоей зеленой тенью
Снам не нужно пробужденье.
Там мечты минувших лет,
И любовь, которой нет,
И забытых мест названья,
И размытых лиц мельканье —
Как кальяна сладкий дым,
Стелются к ногам твоим.

Подобно шествию Годивы,
Когда пред ней апрель стыдливый
Румянца вешнего ковер
На камни Коветри простер,
Увита облаком седин,
Ты, царица Никотин,
Паришь в плаще своих волос,
Чтоб торным стал путем твоим
Проселок наших грез.

Из сборника
«A QUINZAINE FOR THIS YULE» (1908)

НОЧНАЯ ЛИТАНИЯ

О Dieu, purifiez nos coeurs!
Purifiez nos coeurs!

Да, ты разместил эти строки во мне,
очарованный ряд.
И эту Венецию, город твоей красоты,
ты мне показывал,
Пока ее сладость не стала во мне
делом плача.

О Боже, какую великую милость
сотворили мы где-то
и забыли о ней,
Что ты это чудо даруешь нам,
о Господи вод.

О Боже ночи!
Какая великая скорбь
Двигается к нам,
что ты утешаешь нас
Прежде ее приближенья?

О Боже молчанья,
Purifiez nos coeurs,
purifiez nos coeurs!
Ибо мы видели
славу тени подобия
твари твоей.

Это мы исходили мир
В поисках новых сокровищ
И причудливых вымыслов, чтоб могла всерьез
Ваша праздность нарвать нам букеты грез,
домовницы — для вас,

Мы, бросавшие в хаос,
От себе отрывая, пылавшую душу,
Больную, безумную душу без всяких риз,—
Море были мы, ветренный мыс,
Чтоб роскошью праздность сияла средь вас;

Чтоб соль новых вымыслов, голь чужестранцев,
Как невиданных дальних морей парадиз,
Вновь смывала волна, приносящая на побережье
Новых тайн и восходов чуть влажный эскиз,
Чтобы вечно он таял близ вас,
домовницы — для вас.

И опять за сокровищами
Уходили мы, осушая до капли из
Вселенских бокалов вино печали,
И покидали вас, новый готовя сюрприз,
и получали
Изо всех областей и окраин
бесконечности —
Новые вымыслы, новые тайны,
Новые песни (их ночью приносит бриз,
Созидающий нежно далекие ночи),
И приносили все вам,
дабы ваш утолить каприз.
Вам, живущим в покое и праздности.

Из сборника «PERSONAE» * (1909)

ХВАЛА ИЗОЛЬДЕ

О, смирись мое гордое сердце, —
твердил я, — найдутся певцы познатней,
С чьим величьем твое не сравнится,
Куда уж и песне твоей.

Шорох ветра ответом мне был и литания лютни,
Голос, чуть различимый впотьмах,
Не дающий покоя мне, повторяющий без конца:
«Песнь, о песнь».

Отзвук на отзвук бежал, эхо за эхом —
в темных ночах,

В поисках песни — зовущие песнь.

Вот — я истерзан путями, как путями,

Пыль в глаза мне швыряют дороги,

Превращая их в темно-багровые диски.

И все еще трепетом полон я в темных ночах

И словами — в шепоте красного сильфа,
зовущего: «Песнь!»,

И словами — в шепоте серого сильфа,
зовущего песнь,

И словами — в шорохе желтых листьев,
взывающих: «Песнь!»,

И словами — в шорохе листьев зеленых,
зовущих песнь.

И слова эти были — прошлогодние бурые листья
в весеннюю пору,

Гонимые ветром невесть куда, в поисках песни —
зовущие песнь.

* *Personae* (лат.) — Лица, персонажи (прим. сост.).

И слова эти были — белые, словно снежинки,
и холодные, как они,
Шелест мха, шепот губ, шорох медленного ручейка.

О, душа моя, надо смириться, —
Тщетно я говорил ей, — найдутся певцы познатней.
С чьим величием твое не сравнится,
Куда уж и песне твоей.

Ибо в утро дней моих юных вошла прекрасная дама,
Словно лунный блик,
Да, словно луна, окликающая прилив и отлив:
«Песнь, о песнь».

Почему, сколько б я ей ни пел, все она бы
ушла от меня,
Как луна побережье морское к утру покидает.
Но шуршали отцветшие сальфы, словно сор
прошлогодних листьев,
Говоря: «Нас послала душа твоя.
О песнь, песнь».

Напрасно я отзывался: «Отзвучала моя песнь,
Ибо та, которую я воспевал, ушла от меня».

И послала душа мне прекрасную даму из страны фей.
Была она — страстный костер из сосновых поленьев,
взывавший: «Песнь, о песнь!»,
Да, к сосновой смоле воззывавшее пламя.
Песнь моя воспыла любовью, но фея ушла от меня,
Как огонь покидает истлевшие угли, так ушла она
в новые чаши,
Лишь слова оставались со мной,
зовущие: «Песнь, о песнь!»

И опять отзывался я: «Отзвучала моя песнь»,
Пока не послала душа мне прекрасную, словно солнце.
Да, словно солнце, зывающее к зерну.

Как прекрасна весна над рисунком ветвей,
Так она хороша, та, что во мне поселила **песнь**,
Та, у которой в глазах оживает чудесный **шепот**,
Слова-сильфы, да, крошечных сильфов слова,
повторяющих без конца:
«Песнь, о песнь».

Посылка

О, душа моя, надо смириться, —
тщетно я разговаривал с ней.
Но смирится ль душа, если в сердце
Ты с бессмертной песней своей?

В СЕРДЦЕ МОЕМ Anno Domini 751 *

Одного лишь боялся я в сердце моем,
Когда вдоль безмолвного побережья
мчался мой «Серый сокол»
И двойное блаженство — земли и воды —
принадлежало мне,
Как сапфир и смарагд
с пенными перлами посередине.

Сквозь размытую бледную линию
лижущей пляжи вольной волны
Пронеслась ладья моя,
и дружелюбные чужестранцы
Дарили мне смех за смех
и подносили вино за рассказы и вымыслы.
Города открывались передо мной
и поля приглашали пройтись,

* 751 г. — год падения династии Меровингов.

Но одного лишь боялся я
в сердце моем.

Ведь если устанешь ты прежде,
чем я возвращусь,
И если тебя окликнут
«они» из мглы порубежной,
Что толку мне будет в кольчуге
и золотых колечках,
Что толку мне будет в браслетах,
сдвоенных многократно,
Что толку мне будет,
возлюбленная моя,
Здесь, в «средиземье», * —
что толку мне будет
В трофеях, удаче, успехах
славных походов моих?

ALVA BELINGALIS

Прежде Феб сияет, чем луч его блистает,
Слабый свет Аврора на землю посылает,
Сонный страж нас будит:
«Проснитесь, скорее!»

Над скалой и океаном стал рассвет белее,
Стража, сумрак разгоняя, идет по аллее.

Скрипнули ворота — что ты медлишь, что ты?
Ты, которую засада ждет в извилах сада,

* В оригинале "*Middangard*" (англосакс.) — Срединный Мир. Так англосаксонские племена называли Землю, мир, существующий для человека в его земной жизни.

Ты, которую прошу я:

«О, проснись скорее!»

Над скалой и океаном стал рассвет белее,
Стража, сумрак разгоняя, идет по аллее.

От Арктура веет
Норд и суровеет.
Ореол звезды небесной бледно индевеет.
Солнцем запряжен,
Грядет *Settentrion*...*

Над скалой — заря, над морем — дымка показалась,
Нет, не зря ночная мгла дозора испугалась...

(из манускрипта десятого века)

ИЗ СИРИИ**

песнь Пейре Бремона «*Lo Tort*»,*** которую он
сочинил в бытность свою крестоносцем в Сирии
для своей Дамы из Прованса.

В апреле, когда все цветет,
Благоухают все сады,
Когда идут по рекам льды,
И птаха каждая поет
И травы пахнут по лугам, —
В апреле нежном птичий гам
С души моей снимает гнет.

* *Settentrione* (итал.) — север.

** Один из немногих дошедших до нас фрагментов поэзии Пейре Бремона, однако если напечатать его вместе с песнями Гираута де Борнеля, то и его подлинность станет весьма сомнительной. (Прим. Э. П.)

*** Пейре Бремон — провансальский трубадур, “*Lo Tort*” (прованс.) — «Вина».

В такие дни отрадно мне
Бродить дорогами любви,
Начистив латы. Призови
К себе в далекой стороне
Оруженосцев чести. Где б
И кто б ни пел — вино и хлеб
Суть песнь любви, а меч — вдвойне.

Я ту пою, что все года
В слезах являлась, как назло.
Пою, чтоб нынче повезло.
Противник скорого суда,
Мол, «тот поет, чей жалок вид»,
Тем менее я тем убит,
Что повод петь найду всегда.

Я не отчаялся попасть
В страну, где страсть сильнее огня.
Ведь Тот, кто вечно гнал меня,
Все мне вернуть имеет власть.
Но если путь к Любви найду,
Я снова в Сирию приду —
Сия пусть минет нас напасть.

Являя чудо, неспроста
Творец употребляет власть:
Чтоб мог для милой я пропасть
И зреть распятого Христа.
И я же здесь ложусь костями
За мир в награду, черт возьми! —
Безмолвны Божии уста.

Дарила мне улыбку? — что ж,
Она уловка только, часть
Коварств жеманных. Хватит, страсть,
Не смей вздыхать, не проведешь

Подобием любви таким:
«А завтра будешь ли моим?
А от меня не улизнешь?»

Посылка

Лети, мой стих, над лоном вод,
Чтоб к ушку милому припасть.
Скажи ей: и тоска, и страсть
Все дни и ночи напролет
Ведут меня. Пусть Уильям-плут
Иль кто другой — пусть ей спюют,
Утешив Даму в свой черед.

МАРЕЙЛЬ*

Я бедный клирик, Арнаут-меньшой,
Но мало видел проку в том я, чтобы
Просиживать весь долгий день — днем долгим
У Мэтра Жака путаясь в ногах.
Нет, веселей бродяжничать на юге!

К виконту де Безье претензий нет.
Три года я кропал стишки жене его —
Канцоны и стихи, покуда арагонский
Щенок, Альфонсо, в плешь его, не взял за правило
Шлем оставлять в гостях у де Безье.
Зане случилось то, что и случилось —
Три рыцаря, а дама лишь одна:
Безье, отбывший в Монт-Озье, и мы с женой его,
Поющие о звездах,
И тощий Арагонец, зло клянуший
В финале этой сцены сенешалья.

* Арнаут Марейль (1170—1200) — провансальский трубадур.

Арагон, ругающийся в Арагоне, и Безье,
 безумствующий в Безье,
 Здесь обрекли меня на угасанье
 (Злорадствовала Тиборс в Монт-Озье!).
 Меня! В этом грязном трактире под Авиньоном,
 Где плету бесконечные вирши любимой моей.
 И все из-за полуплешивого и козлоногого короля
 Арагонского,
 Альфонсо Четвертого,* всюду сующего нос.

Но если по смерти моей
 Разберут эту грязную стену,
 То больше узнают об Арнауте Марейле,
 Чем было известно из прежних его канцон.
 Ибо нечего мне по себе в этом мире оставить,
 Как только «Канцоны и песни в честь милой моей
 де Безье
 В награду за первый ее поцелуй».
 Когда б могла она все время хорошетъ
 Для всех, за исключением Арагонца!
 Когда б я мог в Безье перенестись
 Скорей, чем страсть моя и грезы могут!

О, верный мой тайник! Жонглером** будь моим!
 Другого не было жонглера у меня, и если ветер
 Один поет, томись и ты по милой де Безье.
 Как ты был пуст, покуда я тебя
 стихами не наполнил,
 Так пусто на сердце, коль взор не полон ею,
 Так голова моя пуста, пока любимой не полнятся
 все помыслы мои.

* Анахронизм. Скорей, речь может идти об Альфонсо II Арагонском.

** Жонглер — зд.: исполнитель песен своего господина.

А посему, тайник в стене, когда лишь ветер
Один поет, и ты вздыхай о том,
Что никогда в объятия свои
Не заключу графиню де Безье,
Хоть был бы ты и доверху наполнен!

О, верный мой тайник, жонглером будь моим!
Томись моей тоской, когда поет лишь ветер...
Но тайну сердца моего храни,
Как в сердце тайну милую храню...
Mihi pergamenta deest.*

ПИККАДИЛЛИ

Прекрасные, трагические лица!**
Всегда ль вы были так мерзки и грязны?
О вы, что быть возлюблены могли,
А нынче так пьяны и безобразны,
кем позабыты вы?

О, жалкие, немногие из многих!
Холеным, сытым, наглым
Я б тоже должен сострадать, но не могу, увы.
Но, вы, трагические лица,
кем позабыты вы?

* *Mihi pergamenta deest* (лат.) — Мне не хватило пергамента.

** В оригинале "*Beautiful, tragical faces...*" — ср. у Ч. Лэма "*The old familiar faces*" — «Старые, знакомые лица».

Из сборника «ТОРЖЕСТВА» (1909)

ГВИДО ПРИГЛАШАЕТ ТАК *

«Лаппо я брошу здесь, и Данте с ним,
С тобой одной мы выйдем в это море!
Не затевай любовной болтовни,
Решаем: мой корабль, твой товар.
Слепая ли земля предложит дар,
Какого ищешь ты, и я ищу.

Слушай, я видел дух твой в глубине,
Слушай, я знаю: сны твои жестоки;
Жизнь — мое море; вся; людей потоки
Смешались в нем, как в жертвенном огне!
О, ты не знала странствий! Вот корабль».

СЕСТИНА: АЛЬТАФОРТЕ

Loquitur**: Бертран де Борн.
Данте поместил этого человека в ад как
разжигателя брани. Ессові! Посудите!
Не выкопал ли я его?
Место действия — его замок Альтафорте.
Папболь — его жонглер. «Леопард» — клич
Ричарда (Львиное Сердце).

* Воображаемый ответ Гвидо Кавальканти на стильновистский сонет Данте "*Guido, i'vorrei che tu e Lapo ed io...*" (*Rime, LII*) — («Гвидо, я хотел бы, чтобы ты, и Лаппо, и я...»). Исторический Гвидо ответил сонетом "*S'io fu quello che d'amor fu digno...*" — «Если б я был тем, кто достоин любви...».

** *Loquitur* (лат.) — говорит.

I

Весь этот чертов юг воняет миром.
Эй, сукин сын, Папьюль! Валяй музыку!
Жить можно там, где сталь о сталь гремит.
О, да! Где стяги рвутся к верной встрече,
А поле впитывает свежий пурпур —
Там воеет во мне сердце от восторга.

II

Я душным летом жду себе восторга:
Сверкнет гроза, как лезвие над миром,
И молнии во мрак забросят пурпур,
И гром сыграет славную музыку,
И ветер — в тучи, в брюхо им, навстречу,
И Божья сталь сквозь рваный свод гремит.

III

О черт! Услышим мы, как сталь гремит!
И кони ржут, шалея от восторга;
Грудь в грудь, сталь в сталь, шип в шип идут
навстречу!
Час урагана слаще года мира —
Обжорства, сведен, вин, пустой музыки!
Но где вино, как крови нашей пурпур?

IV

И я люблю восход: кровавый пурпур
Светила — меч его сквозь мрак гремит,
Переполюя грудь мою восторгом,
А глотку — воплем яростной музыки,
Когда, гнушаясь малодушным миром,
Оно одно идет всей тьме навстречу.

V

Тот, кто дрожит войны, шипя навстречу
Моим хвалам, — уж у того не пурпур
Течет по жилам. Нежась бабьим миром,
Он не слышал, как честь, как сталь гремит.
Смерть этих тварей встречу я восторгом;
О, да! Всем громом сладостной музыки!

VI

Папьюль, Папьюль, музыки!
Есть лучший звук: клинков с клинками встреча.
Есть лучший вопль: вопль бранного восторга,
Когда с локтей, с клинков закаплет пурпур
И встречу «Леопард!» наш клич гремит.
Да будет проклят тот, кто клянчит мира!

VII

Пусть мýзыка клинков найдет в нем пурпур!
Услышим мы, клянусь, как сталь гремит.
Пусть ад поглотит тех, кто хнычет: «Мира!»

ПЛАЧ ПО МОЛОДОМУ АНГЛИЙСКОМУ КОРОЛЮ,

то есть по принцу Генриху Плантагенету,
старшему брату Ричарда Львиное Сердце.
С провансальского, из Бертрана де Борна:
«Si tout li dol elh plor elh marrimen».

Когда бы все рыданья, вопли, скорбь,
Всю боль, все зло, все черные злочастья,
Прошедшие над нашим скорбным миром,
Сложить в одно — все это было б шуткой
Пред смертью молодого Короля.
Достоинство в руинах, Юность в горе,

Тягчайшей тенью мир обременен.
Где утешенье? Где предел печали?

Рыданья, вопли, тяготы и скорбь —
Теперь удел простых и благородных,
Жонглеров, и льстецов, и трубадуров.
Смерть — Госпожа! Ты многих поразила,
Ударив в молодого Короля,
Перед которым и щедрейший — скряга.
Увы! Не знал и не узнает мир,
Чем исцелиться от такой печали.

О Смерть, умело строящая скорбь!
Теперь хвались: бывал ли лучший рыцарь
Тобой сражен? Все, чем гордится мир,
Все это мы увидели, любуясь
Делами молодого Короля.
Уж лучше бы судил Господь пожить
Ему, а не оравам негодяев,
Вводящих нас в напасти и печали.

Неверный мир! Как через эту скорбь
Идет Любовь оплакивать Надежду!
Здесь нет того, что бы не стало прахом,
И каждым утром больше, чем вечер.
Гляди на молодого Короля,
Вот он лежит, достойнейший достойных!
Разрушена прекраснейшая плоть,
И потому мы стонем от печали.

Того, Кто соизволил нашу скорбь
Утешить воплощеньем от Марии,
Кто смерть вкусил для нашего спасенья,
Того умолим: Боже правосудный,
Помилуй молодого Короля!
Прости его, но истинным прощеньем,

Да увидет он в сообщество святое,
Где нет болезни, скорби и печали.

ALBA INNOMINATA

В садах под жимолостью золотой
Владычица моя играла с другом,
Но бьют: «Заря!» — Заря, гонец лихой!
Господь! Господь! Заря спешит нещадно!

О ночь, зачем ты кончилась? И вы,
Любовь моя, отрадные объятья
Покинете? «Заря!» — Заря, увы!
Господь! Господь! Заря спешит нещадно!

Друг милый, верный друг, уста! Уста!
Уже в долине запевают птицы!
Безумна ревность и любовь чиста!
Господь! Господь! Заря спешит нещадно!

Друг милый, нежный друг, мы вновь придем
Сюда, в сады, где птицы распевают,
Покуда сторож на рожке своем
Не известит: заря спешит нещадно!

Дух дивных стран, невиданных морей
Я пил в дыхании моей Любимой,
Моей Любимой, радости моей!
Господь! Господь! Заря спешит нещадно!

Посылка

Учтива дама, вежества полна,
И многие красе ее дивятся.
Своей любви не предает она.
Господь! Господь! Заря спешит нещадно!

Из сборника «CANZONI» (1911)

К ГВИДО КАВАЛЬКАНТИ

И Дант, и я пришли к стопам твоим,
Сер Гвидо, о искуснейший меж нас.
Амур, торивший тропы нам троим,
Обрек двоих воспеть твой мощный глас.
Он разорвал покровы нежных фраз
И сладких грез развеял легкий дым,
Чтоб мы, придя к тебе, прошли в свой час
Все то, что ждет познавших встречи с Ним.
Вот почему в твоих деяньях славных
Его деяний отблеск мы узрели.
Ты, что постиг, как властвовать словами
И долго пел, не зная в песнях равных,
Пусть голос твой и Донны в Сан Микеле
Зажжет сегодня Троицно пламя!

BALLATETTA

Свет стал ее красой и жил среди
Слепцов, теней, устроенных, как люди;
И пел он, этот свет, у нас в груди:

В венке лучей, как в шлеме световом,—
Та, у кого мой дух в повиновенье.
Лань и олень, зачем в лесу глухом
Столь тихий свет? О, паутины вязь
Грубей ее. И солнце, торопясь,
Сбирает изумруды со стеблей,
Не то они погаснут перед ней.

PARACELSUS* IN EXCELSIS

«Уже не человек, зачем я буду
Прикидываться сей эфемеридой?
Людей я знал, и как. Никто из них
Еще не сделался свободной сущью,
Не стал простой стихией — так, как я.
Вот зеркало исходит паром: вижу.
Внимание! Мир формы отменен
И очевидный вихрь смыл предметы.
И мы уже вне формы восстаем —
Флюиды, силы, бывшие людьми,
Подобно изваяньям, в чьи подножья
Колотится безумная река,
И в нас одних стихия тишины».

РЕЧЬ ПСИХЕИ ИЗ «ЗОЛОТОЙ КНИГИ» АПУЛЕЯ

Всю ночь, и только что улегся ветер
На темных кипарисах, он лежал,
И если он держал меня — не больше,
Чем ближний воздух: будто лепестки
Качаются и, кажется, к земле
Не прикоснутся — и легко, как листья,
Казалось, был он надо мной, и ближе
Был для меня, чем воздух.
И музыка во мне — казалось — вот
Глаза мои откроет на иное.
Вы, ветры, кто из вас тяжел и легок,
Как он.

* Бомбастес Парацельс (1493—1541) — швейцарский алхимик. Паунд как бы продолжает стихотворение Р. Броунинга «Парацельс», которое кончается смертью алхимика (*прим. сост.*).

«BLANDULA, TENULLA, VAGULA»*

И что тебе, душа, небесный рай?
Не лучше ли, обзаведясь свободой,
Отправиться куда-нибудь, где солнце
Цедило бы в масличную листву
Живую славу? В Сирмии, допустим,
Тебя я встречу после этой жизни,
И мы найдем залив, благословенный
Апостолами прелести земной,
И учредим служенье на воде —
Сапфир и кобальт, чистый цианин —
На тройственной лазури непостижных,
Подвижных зеркалах метаморфоз?
Душа, а вдруг Она придет? И слух
О лучших поселеньях и дворах
Нас увлечет туда, за пики Ривы?

ERAT HORA**

«Благодарю, и что бы ни случилось...»
И отвернулась, и, как луч в цветах,
Когда их ветер быстро раздвигает,
Уходит. Что бы дальше ни случилось,
Вот посещенный светом час. И боги
Не видывали лучшего занятия,
Чем наблюдать, как этот час уходит.

* "*Blandula, tenulla, vagula*" — очевидно, имеются в виду слова императора Адриана: "*Animula vagula blandula...*" (лат.) — «Маленькая душа, бродяжка, неженка...». Слова "*tenulla*" в латинском языке нет. Это ошибка или мистификация Паунда — неологизм от "*tenuis*" (лат.) — незначительный, простой (прим. сост.).

** *Erat hora* (лат.) — Это был час (прим. сост.).

Никто из танцующих не сравнится с тобой,
С твоими легкими стопами.

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ШТУДИИ

Ребятишки в драных одежках,
Внезапно осененные необычной мудростью,
Прекращали свою возню, когда она проходила мимо,
И кричали ей вслед с плоскодонок:

“Guarda! Ahi, guarda! ch' è be' a!”*

Три года спустя
Я подслушал юного Данта, фамилии не припомню —
В Сирмионе живет двадцать восемь Дантов
и тридцать четыре Катулла;
И был тогда богатый улов сардин,
И взрослые
Укладывали их в огромные деревянные ящики,
Собираясь ехать на рынок в Брешию, а он
Вертелся вокруг, выхватывал блестящих рыбин,
Путался под ногами;
И напрасно покрикивали на него: “sta fermo!”**
А когда его отлучили от укладки
Сардин в деревянные ящики,
Он гладил бока уже уложенных рыбин,
Тихо шепча себе под нос
То самое:

“Ch' è be' a!”***

И видеть это было немного неловко.

* *Guarda! Ahi, guarda! ch' è be' a!* (итал.) — Глянь-ка, глянь, какая красавица!

** *sta fermo* (итал.) — стой смирно.

*** *ch' è be' a!* (итал.) — какая красавица!

БЕЛЛАРИ

“Aus meinen Grossen Schmerzen
Mach' ich die kleinen Leiden”*

Старые добрые Беллари
Ничего не понимают в делах этого мира.
Причем настолько ничего,
Что им пришлось бежать на континент.
Девять юристов, четыре адвоката, пять судей и
три чиновника Королевского суда
Вместе с своими женами, мужьями, сестрами и
прочими разнополыми друзьями и
знакомыми старых добрых Беллари
Собрались обсуждать состояние их дел;
Но старые добрые Беллари настолько не разбираются
в своих делах,
Что вскоре уже никто
Не мог разобраться ни в чем. Однако
Четырнадцать охотничьих лошадей пока еще
жуют овес в конюшнях
Старого доброго сквайра Беллари,
И, возможно, они не подпадут под «лишение прав
и состояния»,
Поскольку формально могут принадлежать не старому
доброму сквайру Беллари,
А его супруге.
Он может представить в суде
Грамоту об «иммунитете к лишению»
На двенадцать лошадей и двенадцать датских догов,
Пожалованную Шарлем Четвертым,
А иммунитет оставшихся лошадей

* «Из своих великих страданий
Я делаю маленькие песенки». Г. Гейне.

Подкрепить грамотой, пожалованной Генри Четвертым;
Однако же судьи,
Обладающие иммунитетом к средневековому праву,
Могут просто проигнорировать грамоты,
И тогда дело еще больше запутается:
Виндикационный иск, встречный иск, процессуальный
отвод и много чего еще.

Девять юристов, четыре адвоката и проч., и проч.
Собрались обсудить дела Беллари,
Но единственным результатом дискуссии
оказались счета

От адвокатов, которым никто ничего не должен.
Да адвокаты и сами
Затруднялись определить предполагаемого должника.

В результате чего старый добрый сквайр Беллари
Проживает нынче попеременно то в Агде, то в Биакре.
Время от времени наезжает в Алэ, Пюи и Каркассон
Или дышит морским воздухом
Где-нибудь между Марселем и Безье.
И все это, право, плохо, плохо,
Потому что старые добрые Беллари —
Прекрасные, очаровательные люди.

MEDITATIO

Тщательно изучив забавные повадки собак,
Я пришел к заключению:
Человек — высшее существо.

Тщательно изучив забавные повадки людей...
Должен признаться, друзья мои, я в затруднении.

ПРАВЫ

Девять супружеских измен, 12 любовниц, 64 случая
блуда и нечто, похожее на изнасилование,
Отягощают душу нашего деликатного приятеля
Флориана;

При том он всегда так спокоен и сдержан,
Что производит впечатление человека бесполого.
Бастияндес же, который только и знает
говорить и писать о совокуплениях,
Недавно стал отцом двойняшек,
Но заплатил за свой подвиг некую цену —
Стал четырежды рогоносным.

СТАРИННАЯ МУЗЫКА

Вот опять пришла зима * —
Все пошло к чертям.
Сверху льет, внизу течет,
Дождь со снегом пополам —
Все — к чертям!

Мчат авто — мочат пальто,
Зад примерз к штанам,
В речке лед, от печки чад —
Что за черт! К чертям!

Только черту по зубам
Зимний чертовый бальзам.
Черт его дери! К чертям!
Черт, к чертям! Трам-та-ра-рам!

* В оригинале "Winter is icummen in". Пародия на средневековую английскую народную песенку — см. упоминание о ней в конце книги в статье Э. Паунда «Традиция» (прим. сост.).

Из цикла стихов в журнале «BLAST» (1914)

FRATRES MINORES*

Блуждая мыслями вокруг собственных тестикул,
Некоторые поэты у нас и во Франции
До сих пор вздыхают об одном общеизвестном
и естественном явлении,
Сущность которого в свое время достаточно полно
разъяснил Овидий.
В изысканных и исчерпанных размерах они, завывая,
сетуют на то,
Что сладкие судороги трех чревных нервов
Неспособны произвести длительную Нирвану.

*Из стихов, не вошедших в сборник «LUSTRA»
(1915)*

ВИЛЛАНЕЛЛА. УРОК ПСИХОЛОГИИ

I

Я чересчур был к этому готов,
чтоб это не случилось.
Словно взрослый,
я книги нужные раскрыл
И даже заложил страницы.
Редко встретишь красоту.
Для кого он, мой родник?
Так много пустых сожалений,
Так много бесплодных часов!
И вот я смотрю из окна
на дождь, на заблудший автобус...

* *Fratres minores* (лат.) — младшие братья.

«Их маленький мир потрясен» —
и воздух кишит этой вестью.
И где-то в своих краях
они уже иным подвластны играм.
Как я узнал?
Как было мне не знать?
Там что-то у них происходит.
А я?
Я чересчур был к этому готов.

Редко встретишь красоту.
Для кого он, мой родник?

Два друга, дыханье лесное...
Друзья? Разве дружбе конец,
когда один двоих застанет вместе?
Два раза прийти обещали:

«Меж полночью и утром?» *

Красотой упьюсь один.
Юность забудет,
что юность прошла.

II

(Скажи, не ты ль держался твердо?
И кто-то о твоих стихах
Сказал с улыбкой:
«А может, ты просто маялся дурью
И в первую ночь?
И во второй вечер?

* «Меж полночью и утром?» (“*Between the night and morning*”) — дословная цитата из опубликованного на год позже стихотворения У. Б. Йетса “*The People*”.

Но обещали снова:
«Завтра к чаю».)

III

Сегодня третий день —
от них ни слова.
Ни от нее, ни от него.
Только записка другого человека:
«Дорогой Паунд, я уезжаю из Англии».

Из стихов, не включенных в ранние сборники.
(MISCELLANEOUS POEMS)

ПРИЗЫВ

Тебя прельщать не стану
Ни медовым словом, ни лобзаньем томным,
Ни росой нежных полуправд,
Упавших на траву легенд любовных
В былые времена.
И в сумерках безмолвных
Шепотом не буду
О тебе молиться —
Тихим, словно дальний звон.
Все это знал я прежде,
И прожил —
Совсем недавно, в юности веселой.
И все прошло,
Подобно тени ветра.
Тебя прельщу не так;
Но, устремляясь вечно ввысь,
К самой сердцевине истины,
Я должен взять тебя с собой,
Упоенную, в бескрайний пламень,—
И взывать без усталости отсюда:
 «За мной! За мной!»
И в ликовании нашей встречи —
Пыл душевный родится вновь...
И, две пылких, жаждущих души,
Состязаясь, мы начнем
Звать без усталости:
 «Я здесь, гряди же дальше!»
И снова: «За мной!»,—
Ибо медлить нельзя.

QUIA AMORE LANGUEO*

Ворую сладость давних строк,
Напеваю в жару и стынь...
Приди на запад, в страну ветров,
 Quia Amore langueo,
Мир оставь, и боль мировую отринь,
 Quia Amore langueo.

Не умею органной звучать трубой,
Но петь, как умею — готов;
Я пою, как рыдает усталый прибор,
 Quia Amore langueo.
Приди на запад, в страну ветров,
Под неба весеннюю синь.

Сквозь дождь и сумрак не вижу вдаль
Цветущей западной земли,
 Quia Amore langueo;
Но внемлю призыву в лесной глуши;
 «*Quia Amore langueo,*
В края далекие спешу,
Пересеки простор морей,
 Quia Amore langueo,
Приди на зов любви моей!»

Много слышится речей,
И глубок зеленый бор,
 Quia Amore langueo,
И ложь струится, журча как ручей —
Но ты позвала! С тех пор
Стремлюсь на запад, в страну ветров,
 Quia Amore langueo,
Под неба весеннюю синь.

* *Quia Amore langueo* (лат.) — Зане томлюсь от любви.

КАПИЛУПУС — ГРОТУ. ПРИВЕТСТВИЕ*

Мантуя, 1500

Жию Гроту, vir amplissimus,
Достойнейшему мужу,
Что ценит речь мою
По заслугам. Напрямик
И наотмашь изреку
И ударю. Ведай:
Не более на размах удара я взираю,
Или на размер стиха,
Чем ты на цвет бумаги,
Где слова моей рукой
Начертаны,—
Крепки, к вящей славе божьей,
Добры и недоступны
Суетным насмешкам.
Ты ведаешь, я не склонюсь
Под игом и пред мигом,
Не покорюсь Ваалу
И предрассудкам,
Что поставлены в закон.
Не читай меня, чтоб мысли черпать,
Силы подкрепить, красотой упиться,
Красотою, что для чувств —
Как росы для стеблей травы,
Как звездный свет над переправой водной,—
О, не читай!
Но любишь ты цветы,
И красу, лечу за коей, как за солнцем — звезды;

* Капилупус — латинский поэт раннего Возрождения. Его «Ночная песнь» числится среди шедевров позднего латинского стихосложения. Грот вымышлен. Сие прилагается к вышеозначенной поэме, отосланной Капилупусом другу (прим. Э. П.).

А посему — прочти.
Ты чувствуешь и мыслишь: посему
Прочти меня, дабы уведать,
Как чувствую и мыслю.
Прочтешь — и прибавишь к суждению о ближних
Песчинку знаний,
Крупинку раздумий.
Пускай причуда иль извив
Слога моего
Тебе поможет хоть на полчаса
Полуоттаять, принесет полсотни
Полуулыбок.
Ты ведаешь, о Грот:
Тебя люблю и почитаю,
Первому сию поэму
Тебе я шлю, а после остальным —
Презреть, иль заучить, иль ухмыльнуться,
Как боле им по нраву,
По духу, или положенью.
И, наконец, таким,
Чьи головы — шкатулки, где король
Иль нищий прячут золото
Либо мусор.
Какой-нибудь отыщут факт
Или же мысль — и положат
Бережно в шкатулку эту,
И там оставят гнить.
Но тебе, о Грот, и тебе подобным,
Кто каждую мысль и факт
Кладет в подножье новой мысли,
В основу новых фактов, —
Во имя Божье шлю стихи,
Пожеланья добрые и
VALE.
Всегда отыщется такой,
Что скажет: «Сотворенное не ново.

Займствовал поэт, списал из тома
На четвертой полке слева».

Ведай же: творю созвучья
Я точно так же, как себя творю, —
Из наилучших, и величайших,
И мудрейших, бывших прежде.

Но пребуду я собой.
В ретортах у тебя кипят, рождаются числа;
Ты жидкость наречешь длиннейшим уравнением,
Прибавишь новой —
И мигом обретешь неведомый раствор,
Хотя все части составные
Алхимик распознал уже давным-давно.
Составные части ты сочетаешь по-иному,
Золота взыскуешь; я же — совершенства.
И, как ты не золото обретаешь,
Но старых составных частей

Иные сочетания находишь, —
Для наших целей, для употребленья нами
Ценней они, чем золото, намного.

Так я рифмую, —
Алчу золота, но счастлив,
Коль, уронивши колбу,
Пламя упустив,
Открою новый цвет, —
Как совсем недавно Капонлани
В стеклодувной мастерской, —
Иль благовонье, — как имярек,
Что десять лет ухаживал за Гвидо,
Соблазнясь приданым дочери.

ХЬЮ СЕЛВИН МОБЕРЛИ*
(Жизнь и связи)

«Vocat aestus in umbram»
Nemesianus, Ec. IV.

I

E. P. ODE POUR L'ÉLECTION DE SON SÉPULCHRE

Целых три года, чудес добытчик,
Оживить он силился мертвеца
Поэзии; великое без кавычек,
Как было когда-то. Начало рождать с конца —

Это, право, дико; тем паче, что вырос он
В стране первобытной, не знавшей календаря;
Он из желудя выходит анемон
Хотел и на флейту поймать угря;

«Idmen gar panth' hos' eni Troiēi»**
Ушная раковина гудела от
Пенья в скалах, и в этом вое
Он продержался весь третий год.

Его Пенелопею настоящей
Был Флобер, а рыбачил он в бухтах с
Цирцеей, на локоны коей чаще
Смотрел, чем на солнечные часы.

Он «злобы дня» избежал и мужем
Из мальчика вышагнул в l' an trentiesme
De son eage; но было прекрасным музам
По-прежнему не до его поэм.

* Прим. переводчика к поэме см. на стр. 55.

** В оригинале — греческий алфавит.

II

А век вымогал гримас
И всяческой клоунады,
Ладное, чтоб для масс,
И чтоб никакой Эллады;

И никаких чтоб траге-
Дий, сиречь, волнений;
Лучше уж просто «г»,
Нежели некто гений!

Вырос на слепки «спрос»
Из гипса, росли тарифы
На борзопись вместо бронз,
«Глагольные», то бишь, рифмы.

III

Плюшевая софа
Косские смяла ризы.
Смолкли струны Сафо,
Знать, пианолы, из-за.

Не поколебал Христа
Вакх, но ослаб от хмеля
Фаллос, а Калибан,
Знай, теснит Ариеля.

«Все течет», — как давно
Замечено Гераклитом,
Но пребывает кран
Пошлости незакрытым.

Христианская красота
Обезглавлена — паче Нике,
Но скоро и то kalon
Останется без туники.

На похоть фавнов и пост
Святых мы разно не тянем.
Стал вафельницей Гутенберг,
Печатанье — обрезаньем.

Мы все, говорят, равны,
Ножки свернувши тронам.
Но в креслах иль импотент,
Иль жулик сидит патроном.

Липовым лавром какого —
tin' andra, tin' herba, tina theon,
Бога, мужа, героя
Прикажешь венчать, Аполлон?!

IV

Но эти сражались уж точно,
и некоторые даже веря, но pro domo
уж точно...

Некоторые из охоты,
некоторые из авантюризма,
некоторые из страха прослыть слабаками,
некоторые из страха, что их осудят,
некоторые из любви к резне, так им казалось,
научившись позднее...
некоторые из страха, научившись позднее любить
резню;
Некоторые погибли pro patria,
но не «dulce» и не «et decor»...

глаза закрыв, погружались в ад,
веря в ложь стариков, но — открыв, изверясь,
возвращались домой, домой ко лжи,
домой к новым обманам,
домой к старой лжи и новому сраму;
ростовщикам, долгам и процентам
и к площадным лгунам.

Отвага как никогда, потери как никогда.
Жаркая кровь и голубая кровь,
красные щеки и кровь с молоком — тела;

стойкость как никогда,

искренность как никогда,
прозрения как никогда,
окопные исповеди, истерия,
смех вперемежку с кишками.

V

Мириады легли. И лучшие
В их числе. Упокоясь
За курву сию, за сучую
Цивилизацию то есть.

Взгляд их наглый и угловатый
Накрыло веком земли,

За две тыщи томов легли,
За две сотни увечных статуй.

YEUX GLAUQUES

Был Гладстон еще в зените,
Когда был уже в расцвете

Джон Рескин; еще травили
Суинберна и Россетти.

Бьюкенен выпустил газы,
Когда ее личико фавново
Средь бабников и живописцев
Добилось признания явного.

Глаза ее заселили
Берн-Джонсовые картоны
И до сих пор в галерее
Тейт вызывают стоны.

Прозрачные как вода
Ручья, в никуда глядят;
Тогда ж родились, но мертвыми
Английские Рубайат.

С потрескавшегося лица
По-прежнему без движенья
Мысли — глядят глаза...
«Ах, эта бедняжка Дженни...»

Изумленные тем, что ни с
Кем не ведется споров
О коварстве последнего из
Ее партнеров.

«SIENA MI FE'; DISFECEMI MAREMMA»

Средь моченых зародышей и членов в банках,
Нанятый упорядочить каталог,
Мне повстречался последний отпрыск
Страсбургской знати, месье Верог.

Целых два часа он трепался про Галифе,
Про Клуб Рифмоплетов, про Даусона и как
Джонсон (Лайонел) разбился, упав
Со стула за стойкой, придя в кабак...

И хотя на вскрытии — приватном — не было
обнаружено

Ни следа алкоголя — все ткани близки
К нормальным, но чистым дохнуло разумом
На Ньюмена, как перегаром виски.

Даусон считал, что бордели дешевле отелей;
Хедлам был болтун, а Имедж весьма был тесен
С Бахусом, Церковью и Терпсихорой.
Так рассказывал автор «Дорийских песен».

Месяе Верог, от своей когорты
Оторванный и — вообще — последний,
Был не больно жалуем молодыми
Из-за этих бредней.

БРЕННБАУМ

Лицо образцово овальное, как
У ребенка; глаза — голубые вычески;
Негнувшийся от воротничка до краг,
Расслабиться он не умел физически;

Но давние воспоминания о Синае, Хориве
и скитаниях по земле
Проступали в каждом начале нового
Дня морщинами на челе
У Бреннбаума «Образцового».

X

Под крышей, верней — настилом,
Стилист отыскал приют.
Безденежный, безнадежный,
Зато от житейских смут

Уволенный, он всю силу
Талантливости своей
Изводит на слабом поле,
И пол ходит все сильней.

И дранка от частой брани
Просачивается-таки.
Он любит сочные яства.
И чавкают башмаки.

XI

«Милетских желаний жрица»,
Гнильцу превративших в гянец.
Пусть так. Но какой британец
От этого не взъярится!?

Да нет, «Milesian» лишь рамой
Является в галерее
Желаний, где всех главнее
Потуги быть светской дамой.

XII

«Дафна, чьи бедра оделись корой,
Руки ко мне простирает, бредя...
Бред. Салон, как военный строй,
И в нем я жду приказаний леди

Валентайн, сознавая, что мой мундир
Едва ли того фасона,
Чтоб в ней могла роковую страсть
Вызвать моя персона.

Я — бывало — падал на гололеди
Вкуса и прочих тайн
Литературы, но не на леди
Валентайн:

Для нее поэзия — это стык
Идей, хоть и путь, отчасти,
Стануться с теми, кто не пристал
К определенной касте;

Как наживку в общении с леди Джейн
Театр я рекомендую,
И — случись восстанье какое — в ней
Обретете вы мать родную.

.
Отдохнуть идите потом душой,
«Такими людьми согретой»,
На Флит Стрит, где некогда цвел и пах
Д-р Джонсон. На этой

Улице красочная продажа
Подштанников под вопрос
Давно поставила книжный запах
Пиэрийских роз.

ENVOI (1919)

Ступай, немая книга,
К той, что напевом Лоуса меня

Смутила, и спроси:
А вдруг, как песня, ей труда не стоит
И сострадания — пусть тогда свой поед
Моей души закончит окаянной,
И вечною воздастся ей осанной.

Спроси ее о том
Сокровище, что в небе
Она зарыла, думая про срок
Своих земных красот,
А я б их мог
Влюбить, как розы, в сон янтарной глыбы,
И алый тон с оранжевым могли бы
Дать цвет один, субстанцию одну
И время пережить.

Спроси у той,
Что с песней на устах
Живет, их скрадывая немотой,
Не зная их творца, а вдруг есть в мире
Уста не хуже и еще блеснуть
Отважатся собой — когда-нибудь,
Когда наш прах с уоллеровым прахом
Смешается, когда река времен
И нас пожрет, ко всем неумолима
В своем теченье, Красоты помимо.

Примечания переводчика

Источником для примечаний послужило авторитетное исследование: John J. Espeys «Ezra Pound's Mauberley», University of California, press/Faber and faber. 1955.

Эпиграфом взята строка из эклоги латинского поэта III века Немезиана: «Жара зовет нас в тень».

I. «Э. П. Ода на выбор собственной гробницы» — назв. повторяет назв. одной из од Ронсара, которую Паунд ассоциирует также с «Эпитафией» Корбьера. В третьей строфе — «Ибо мы ведаем то, что было в Трое» (*древнегр.*). Строка относится к песне сирен («Одиссея», XII, 189). В заключительной строфе обыгрываются первые стихи «Большого Завещания» Ф. Вийона («Год тридцатый своего возраста»).

III. 4-я строфа — «прекрасное» (*древнегр.*). В заключительной строфе — «Какого мужа, какого героя, какого бога...» (*древнегр.*) — обыгрываются слова из второй олимпийской оды Пиндара: «Какого бога, какого героя, какого мужа будем мы чествовать?»

IV. Обыгрывается стих Горация «Dulce et decorum est pro patria mori» («Сладко и почетно умереть за отчизну»); pro domo (*лат.*) — за дом.

«Yeux Glauques» — букв. «сине-зеленые, цвета морской воды глаза» (*франц.*); взято Паундом из стихотв. Т. Готье «Sœguli Oculi» (сб. «Эмали и Камей»). Эта «главка» посвящена музе «братства прерафаэлитов» Элизабет Элеанор Сиддел, которая вышла замуж за поэта и художника Д. Г. Росетти (1828—82), лидера «братства», и покончила с собой. «Ах, эта бедняжка Дженни...» — намек на известное стихотв. Росетти о Дженни-прститутке, кот. вызвало негодующий отзыв критика Р. У. Бьюкенена (1841—1901). У. Э. Гладстон (1809—98) — премьер-министр Великобритании (1868—74, 1880—86, 1892—94); Д. Рескин (1819—1900) — английский писатель и теоретик искусства, поддержавший «прерафаэлитов»; Сэр Эдвард Коли Берн-Джонс (1833—98) — англ. художник и оформитель.

«Si ena mi fe'; disfecemi Maremma» — заглавием взята строка из «Божественной комедии» Данте: «Я в Сьене жизнь, в Маремме смерть нашла» («Чистилище», V, 134, пер. М. Лозинского.) Прототипом месье Верога послужил В. Г. Плarr, библиотекарь Королевского Хирургического Колледжа. Г. Галифе (1830—1909) — франц. генерал и военный министр, отличившийся особой жестокостью при подавлении Парижской Коммуны 1871 г. Э. Даусон (1867—1900) и Л. Джонсон (1867—1907) — члены лондонского Клуба Рифмоплетов, в который также входили пастор С. Хедлам и издатель С. Имедж. Д. Г. Ньюмен (1801—90) — англ. кардинал и писатель.

«Бреннбаум». Его прототипом послужил М. Беербом (который, правда, евреем не был); М-ра Никсона — А. Беннетт, а «стилиста» из главки» X — Форд Мэдокс Форд.

XI. «Милетских желаний жрица» — отсылка к «Магическим историям» Реми де Гурмона, которого Паунд опубликовал в англ. переводе в 1921 г. «Милетское» — намек также на эротические рассказы Аристиды из Милета (II век до н. э.).

XII. Прототипами леди Валентайн послужили леди Оттолайн Моррел и леди Джеральдина Оттэр, державшие литературные салоны в Лондоне. Начальные строки явл. вольным переводом из «Замка памяти» Т. Готье (сб. «Эмали и Камеи»); С. Джонсон (1709—84) — англ. писатель и лексикограф.

«E p v o i» (франц.) — букв. «посылка»; в ней обыгрывается известная песня «Ступай, прекрасная роза» на мотив Генри Лоуса и стихи поэта XVII в. Э. Уоллера.

Из поэмы
«ОММАЖ СЕКСТУ ПРОПЕРЦИЮ»

Orfeo
«...quia pauper amavi» *

I

Дух Каллимаха, косская тень Филета,
В вашу сень я иду
Первым, из чистейшего родника
Почерпнув для Италии греческие оргии и греческие
пляски.
Кто учил вас, где слышали вы такие рифмы?
Чья стопа отбивала вам такт, чья вода орошала вам
посвист?

Пусть томители Аполлона тянут строки на Марсовых
полях —
Мы скребницами выскребем их страницы.
Нынче новую квадригу тащат кони в венках —
Юная Муза в сонме Юных любовей возносит меня
к созвездьям:
Нет для Муз мощных дорог.
Анналисты не кончат свидетельствовать римские
доблести,
Закавказские знаменитости скажут славу
знаменитостям Рима,
Развернут пределы империи, —
Но чего бы почитать просто так?
Хотя бы пару непачканых страниц с двувершинного
взгорья!
Не хочу венка, который плющит голову. Не спешу —
После смерти мне и так будет слава.

* «Ибо любил я, убог...» (лат.)

Потому что издали все видно крупней, независимо
от качества.

Кто бы знал про башни, рушенные дощатым конем,
Про Ахилла, поперек струй Симоису,
Про Гектора в грязи у колесных ободьев,
Про Полидаманта, Гелена, Деифоба? Клянусь
Скамандром,
Их с Парисом не знали бы даже в собственных
дворах!

«О Илион! о Троя! дважды в этейском полоне!» —
Это лишь потому, что за вас заступился Гомер.

Так мне и будет мой зенит меж римских правнуков:
Без плиты на моем постылом гробе
Прозвучу я из Фебова храма в Патарах (Ликия),
Мои песни в должный срок пойдут в мир
В радость полудевам, когда те свыкнутся.
Так Орфей укрощал зверей и уздал фракийскую реку,
Киферон тряс в пляс глыбы для фивских стен,
И к твоим, Полифем, взмыленным коням под Этною
Не клонилась ли жестокая Галатея на голос песни?
Нужно смотреть в суть.

Бахус и Аполлон — за.

Молодые дамы сбегутся чтить мои разглаголы,
Хоть мой дом не на тенарских столпах из Лаконии
(где Нептун и Цербер),

Хоть и не под золочеными он стропилами,
И сады мои не так разлеглись, как рощи Феакии,
такие роскошные, такие Ионийские,

И на гротах моих не сплошь лоза из Марки,
Погреба мои не от Нумы Помпилия

И не дыбятся винными бочками,

И не снабжены патентованными холодильниками, —
Но друзья Камен, сунув в мои книги свой общий нос,
Устав от реалий, обратятся к моим напевам.

Счастлив, кто попал в мою хронику:

мои песни — славное надгробье их красоте.

Что сравнится?

Ни звездоскребы пирамид под небесными орбитами,

Ни хоромы, как Зевсов дом в восточной Элиде,

Ни колосс Мавсола не озарят нам смерть.

Пламя жжет, а ливень втекает в щели,

И под копытами годов — все трещит по швам.

Только высится гений — бессмертная краса, и года
не изотрут его имя.

IV. РАЗНОМЫСЛИЕ С ЛИГДАМОМ

Лигдам, скажи мне правду: что ты слышал о нашей
верной красавице? —

И пускай недешевое ярмо госпожи станет тебе
сносней,

Потому что изжога мне от дутых твоих любезностей

И морока от вздора, в который не поверю ни в жизнь.

Ни один вестник не приходит ни с чем; и как бы
рабу чего не вышло;

Долгий разговор — словно крепкий дом.

К черту это все, расскажи мне толком и сначала:

Вот — я развесил уши.

Что? она рыдала, раскинув волосы? Ты видел?

Слезы рекою? И ты, Лигдам,

Видел ее распростертой на постели? не с зеркальцем,

Не в браслетах на белых ручках, не в золоте

Всю закутанную в скорбное покрывало,

А в изножье — ларчик с писчим добром.

Скорь во всем доме, и горестные служанки

Горестны оттого, что она им рассказала свой сон?

Посередине постели она укрылась,

А в глазницах — непросыхающие платки,
А на наши нежные упреки — сварливый крик.
И за эти вести ты ждешь от меня награды, Лигдам?
Долгий рассказ — словно крепкий дом.
А соперница? «Не изящными завлекла манерами,
А варя приворотные травы, вертя камбалу колесом,
Жаря дутых жаб, змеиные кости, и перья линялых сов,
И опутывая в могильные лохмотья. Пауков ей
в постель!

Пусть любовники храпят ей над ухом! Пусть подагра
Скрючит ноги ей! И он хочет, чтобы я спала одна?
И он ждет сказать над моим гробом гадости?»

Кто же, год промучась, поверит этому!

VIII

Господи Юпитер, помилуй несчастную,
Ибо лишняя смерть украсит твой счет:
Время летнее, воздух спекся,
Задыхается земля под палящим Псом,
Но не это главное,

А то, что подруга моя не чтит всех богов:
Ведь такие упущения в былое время

Были сокрушительны для юных дам,
И их кухонные обеты были писаны вилами по воздуху
и воде.

Что ли Венера озлобилась на соперницу,
И исполнилась зависти картинная краса?
Или обошла ты Юнону Пеласгийскую?
Или охулила Палладин зрак?

Или это я сам тебя сглазил бесконечными
комплиментами?

Вот и приходит в стольких бедах замкнуть бурную
жизнь

Кроткий час последнего дня.
Ио мыкалась, мыча, много лет,
И теперь, как богиня, пьет из Нила.
Ино, спятивши, бежала из Фив.
Андромеда брошена была чудищу, но чин чином
вышла за Персея.
Каллисто в медвежьей шкуре бродила по аркадским
выгонам,
А на звездах ее был черный покров.
И когда подойдут твои сроки, подступит твой час
покоя,
Вдруг самой тебе станет смерть в угоду,
И ты скажешь: «рок мой тот же,
Чудно тот же, что у Семелы»,
И поверишь, и она поверит по опыту,
И средь всех меонийских красавиц в славе слова
Ни одна не воссядет выше, ни одна не оспорит твое
первенство.

Вот теперь сноси свою долю бестрепетно,
Или злой Юпитер оттянет твой смертный день —
Чтоб Юнона не почуяла. Старый блудень!
Или, может, явись моя молоденькая —
И самой Юноне каюк?
Так ли, сяк ли, а быть заварушке на Олимпе.

XII

Кто же, кто же еще найдется, чтобы доверить другу
подругу?
Любовь сталкивается с верностью.
Даже боги ведь позорили родичей.
Каждый хочет яблоко себе одному.
Люди милые и согласные — невоздержанностью
втягиваются в поединки.

На правах гостеприимства пришел к Менелаю троянец
и прелюбодей.
А еще была Колхида, и Ясон, и та колхидянка,
И вообще, Линкей, ты был пьян.

Как ты вынес такую неразборчивость?
Да, она не славилась верностью.
Но проткнуть мечом себе брюхо, но издохнуть,
глотнув отравы,
Было бы, мой мальчик, предпочтительней, —
Мой Линкей, с кем я рад делить жизнь, хлеб
и деньги,
Только не постель, только не постель. Здесь мне
не надо
Ни твоей, ни Юпитеровой помощи.

А ты еще пишешь про Гераклов бой с Ахелоем,
Про коней Адраста, про игры по Ахенору,
И никак не бросишь копировать Эсхила, —
Ты крошка из Антимаха, а думаешь, что Гомер.
А девчонке нет дела до богов —
Ни одна из них не ищет начал Вселенной,
Ни расписания лунных затмений,
Ни останется ли что-то от нас,
Когда мы переедем зыби ада,
Ни предопределены ли удары грома,
И вообще ничего серьезного.

На Актийских болотах Вергилий — главный
полицеймейстер Феба.
Он дрожит по илионским браням,
Потрясает троянским клинком Энея
И бросает полчища на Лавинийские берега.
Прочь с дороги, римские авторы, потеснитесь, греки,
Ибо уже в работе нечто побольше Илиады
(И притом не по монаршему указу).

Потеснитесь греки!

А ты тянешься за ним «в сень фригийских сосен»:

Тирсис и Дафнис с долбленными тростниками,
И как десять соблазнов портят девушек —

За козленка, за доеное вымя, за дешевые яблоки
Они рады продать свою бедную любовь.

Тирсис, верно, пел таких же стерв,

Коридон искушал Алексиду,

Таковы же нынешние селяне:

Лежа в жите, усталые, слышат они хвалу от
несмутимых дриад.

Ну, давай же по Аскрейским прописям, старинным,
почтенным, вордсвортовским:

«Плоскому полю — колосья, холмам —
виноградные лозы».

Посмотри на меня, я не богат,

Я не генеральского рода,

Триумфы мои — меж девиц неопределенного свойства,

Мой талант прославлен у них в застольях,

Мне подносят вчерашние венки,

И Бог разит меня намертво.

Как ученая дрессированная черепаха,

Я бы делал стихи в твоем духе, но лишь по приказу
красавицы,

Когда муж ее будет взывать о смягчении приговора.

И даже этот позор не привлечет читающую публику

Ни ученою, ни усиленною страстью,

Потому что с высот благородства не текут ручьи.

Нужен отзвук, отзвук и звучность... как у гуся.

Варрон, страстный в любви к Левкадии,

Пел Ясоново плаванье,—

ТРАДИЦИЯ*

Penitus enim tibi O Phoebe attributa

*est cantus.***

Традиция — это красота, которую мы оберегаем, а не оковы, которые нас удерживают. Традиция не начинается в 1870, в 1776, в 1632 или в 1564 годах. Она не начинается даже с Чосера.

Нас интересуют две великие традиции — мелическая и провансальская. Первая породила практически всю поэзию античного мира, вторая — всю современную. Несомненно также, что им предшествовали вавилонская и хеттская традиции, сведения о которых большей частью утеряны. Мы знаем, что ритуальные обряды, посвященные Митре, сопровождались протяжными распевами. Известно, что поэзия существовала в Египте и в Китае. Возможно, стихи сочинялись уже в Уруке. В Японии получила распространение агглютинативная метрика, выходящая за пределы моего нынешнего понимания.

В силу особых исторических условий английская поэзия имеет своими истоками обе упомянутые традиции. Сейчас уже невозможно игнорировать тот факт, что и греческая, и провансальская поэзия достигли ритмического и метрического совершенства в те времена, когда искусство стихосложения и музыка были теснейшим образом связаны друг с другом, когда каждое поэтическое произведение несло определенный музыкальный импульс или содержало музыкальные элементы в своей основе. Но уже римляне со своими дочечками, в отличие от прежних сочинителей, творив-

* *"Poetry" III, 3 Dec. 1913.*

** «О, Феб! Песнопения во всем ты достоин!» (лат.)
(прим. сост.).

ших под аккомпанемент цитры или лютни, совершенно не стремились к напевности.

Что касается параллельного развития этих близких искусств в последующие времена, то можно отметить, что провансальская «сaпzоп» понемногу превращалась в итальянскую «сaпzопе», а в то время, когда Данте и его современники принялись сочинять философские трактаты в стихах, звук или аккомпанемент зазвучал сам по себе, постепенно оформляясь в сонатную форму. И с момента этого разведения, поэзия стала сходить на нет, пока Баиф и Плеяда не начали прививать во Франции греческий, латинский и итальянский ренессансные стили и экспериментировать с мелодикой и «длительностями».

В этом же столетии существенно обновили свою поэзию и итальянцы. Она стали использовать латынь, а кое-кто — даже греческий, и применять эллинские метры. Тем временем Дю Белле перевел Наваджаро на французский, а Спенсер перевел версию Дю Белле на английский. Начиная с чосеровских времен, англичане стали заимствовать поэтическую технику из-за Ла-Манша. Елизаветинцы «творили» под музыку, копируя эксперименты Парижа. Так волна одной из двух этих традиций настигала и покрывала другую волну, более раннюю и уже отступающую. Лучший трубадур пел при дворе Ричарда Львиное Сердце. Чосер ввел в стихосложение французскую моду и положил конец англосаксонскому аллитеративному стилю. Итак, провансальская «сaпzоп» превратилась в канцону, в сонет, в *Minnesang*, в балладу и породила все последующее елизаветинское разнообразие поэтических форм. И в это время нахлынула следующая волна из Парижа, волна частью романская (в лингвистическом смысле), частью латинская. Но влияние провансальской поэзии до определенной степени и есть влияние латыни, ибо нашествие варваров привело к поте-

ре длительности слогов и рифма стала использоваться всего лишь как изящное украшение. Первый образец провансальской лирики написан на латыни с провансальским рефреном.

Д-р Керр положил конец пустой болтовне о фольклорных песнях и продемонстрировал нам фразу «*Summer is usumten in*», обнаруженную им под латинскими словами древнего канона.

II

Возвращение к истокам вдохновляет, ибо это возвращение к природе и смыслу. Тот, кто возвращается к истокам, делает это из желания поступать неизменно разумным образом. А значит — естественно, осмысленно, интуитивно (...) Он жаждет не педантизма, но гармонии, сообразности.

Здесь не место для пространной дискуссии о технических деталях. Я не собираюсь распространяться об употреблении и злоупотреблении рифмой. Ограничусь лишь утверждением, что рифма не есть ни обязанность, ни табу.

Что касается длительности, то наивно полагать, будто мы не способны различить длинные и короткие гласные или же не в состоянии определить, сколько согласных умещается между двумя гласными.

К вопросу о трудностях верлибра: в своей работе о мелических поэтах *Ja pparis* пришел к заключению, что они писали стихи, чтобы проникнуться переживанием, гармонизировать его. Он не склонен полагать, что на древних греков могли оказать заметное влияние дискуссии, имевшие место в Александрии несколько столетий спустя.

Если убежденному стороннику общепринятого тупоумия случайно подвернутся под руку труды Еврипида, или тем более такие фрагменты, как Ипполит

1268 и сл., Алкест 266 и сл., 455 и сл., или *Phoenissae 1030 et circa*, или труды иного сколько-нибудь заметного греческого комментатора, то не исключено, что свет верлибра озарит слабым сиянием и его извилины. Нет таких простаков, которые полагают, что музыкальный размер «четыре четверти» требует именно четырех «четвертей» в каждом такте, а при размере «семь восьмых» — семи «восьмушек». Вполне допустима, например, комбинация из «половинки», «четверти», «восьмой» или какое-либо иное сочетание, найденное случайно или выбранное сознательно. Применить этот музыкальный трюизм к стихам — значит использовать верлибр.

Настаивать, что такие-то и такие-то сочетания звучания и темпа недопустимы, так же глупо, как утверждать, что художнику не следует использовать красный цвет в левом верхнем углу картины. Движение стиха ограничивается только характером слогов и отчетливостью звучания, а также законами музыкального и мелодического ритма. Объем заметки не позволяет превратить ее ни в трактат по мелодике, ни в компендиум по всем видам стиха, аллитерации, силлабики, акцентуации и длительности. К тому же такая работа окажется скорей всего напрасной, так как едва ли найдется человек, который смог бы усвоить большую часть всего этого иначе, чем самостоятельно и непредубежденно изучая всевозможные образцы лучших стихов, лучших строф и лучших рифм, а также основательно познакомившись с теорией и историей музыки.

Бесполезно и поверхностное подражание, поскольку реальная польза от него появляется только тогда, когда оно осуществляется либо для более детального ознакомления, либо в качестве практического освоения тех или иных творческих методов.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	3
<i>Из сборника «A LUMÈ SPENTO» (1908)</i>	
Дерево (пер. О. Седаковой)	5
Чино (пер. М. Фрейдкина)	5
Вийонада на святки (пер. М. Фрейдкина)	7
De Aegypto (пер. О. Седаковой)	9
Никотин (пер. М. Фрейдкина)	10
<i>Из сборника «A QUINZAINE FOR THIS YULE» (1908)</i>	
Ночная Литания (пер. О. Седаковой)	12
Основные поставщики (пер. А. Прокопьева)	13
<i>Из сборника «PERSONAE» (1909)</i>	
Хвала Изольде (пер. А. Прокопьева)	15
В сердце моем (пер. А. Прокопьева)	17
Alba Belingalis (пер. А. Прокопьева)	18
Из Сирии (пер. А. Прокопьева)	19
Марейль (пер. А. Прокопьева)	21
Пиккадилли (пер. М. Фрейдкина)	23
<i>Из сборника «ТОРЖЕСТВА» (1909)</i>	
Гвидо приглашает так (пер. О. Седаковой)	24
Сестина: Альтафорте (пер. О. Седаковой)	24
Плач по молодому английскому королю (пер. О. Седаковой)	26
Alba Innominata (пер. О. Седаковой)	28
<i>Из сборника «CANZONI» (1911)</i>	
К Гвидо Кавальканти (пер. М. Фрейдкина)	29
Ballatetta (пер. О. Седаковой)	29
Paracelsus In Excelsis (пер. О. Седаковой)	30
Речь Психей из «Золотой Книги» Апулея (пер. О. Седаковой)	30

Blandula, Tenulla, Vagula (пер. О. Седаковой)	31
Erat Hora (пер. О. Седаковой)	31
<i>Из сборника «ОТВЕТНЫЕ ВЫПАДЫ» (1912)</i>	
Quies (пер. О. Седаковой)	32
Плащ (пер. О. Седаковой)	32
<i>Из сборника «LUSTRA»</i>	
Танцующая фигура (пер. И. Большева)	33
Эстетические штудии (пер. И. Большева)	34
Беллари (пер. И. Большева)	35
Meditatio (пер. И. Большева)	36
Нравы (пер. И. Большева)	37
Старинная музыка (пер. И. Большева)	37
<i>Из цикла стихов в журнале «BLAST» (1914)</i>	
Fratres Minores (пер. М. Фрейдкина)	38
<i>Из стихов, не вошедших в сборник «LUSTRA» (1915)</i>	
Вилланелла. Урок психологии (пер. М. Фрейдкина)	38
<i>Из стихов, не включенных в ранние сборники</i>	
Призыв (пер. С. Александровского)	41
Quia Amore Langueo (пер. С. Александровского)	42
Капилупус — Гроту. Приветствие (пер. С. Александровского)	43
ХЬЮ СЕЛВИН МОБЕРЛИ (пер. И. Кутика)	46
<i>Из поэмы «ОММАЖ СЕКСТУ ПРОПЕРЦИЮ» (1917)</i>	
(пер. М. Гаспарова)	58
ТРАДИЦИЯ (пер. Д. Кудри)	66

Технический редактор Т. Селиверстова
Сдано в набор 1.5.92. Подписано в печать 5.6.92.
Формат 60×84/32. Печать высокая.
Тираж 5000 экз. Заказ 111. ТМҚ РФ